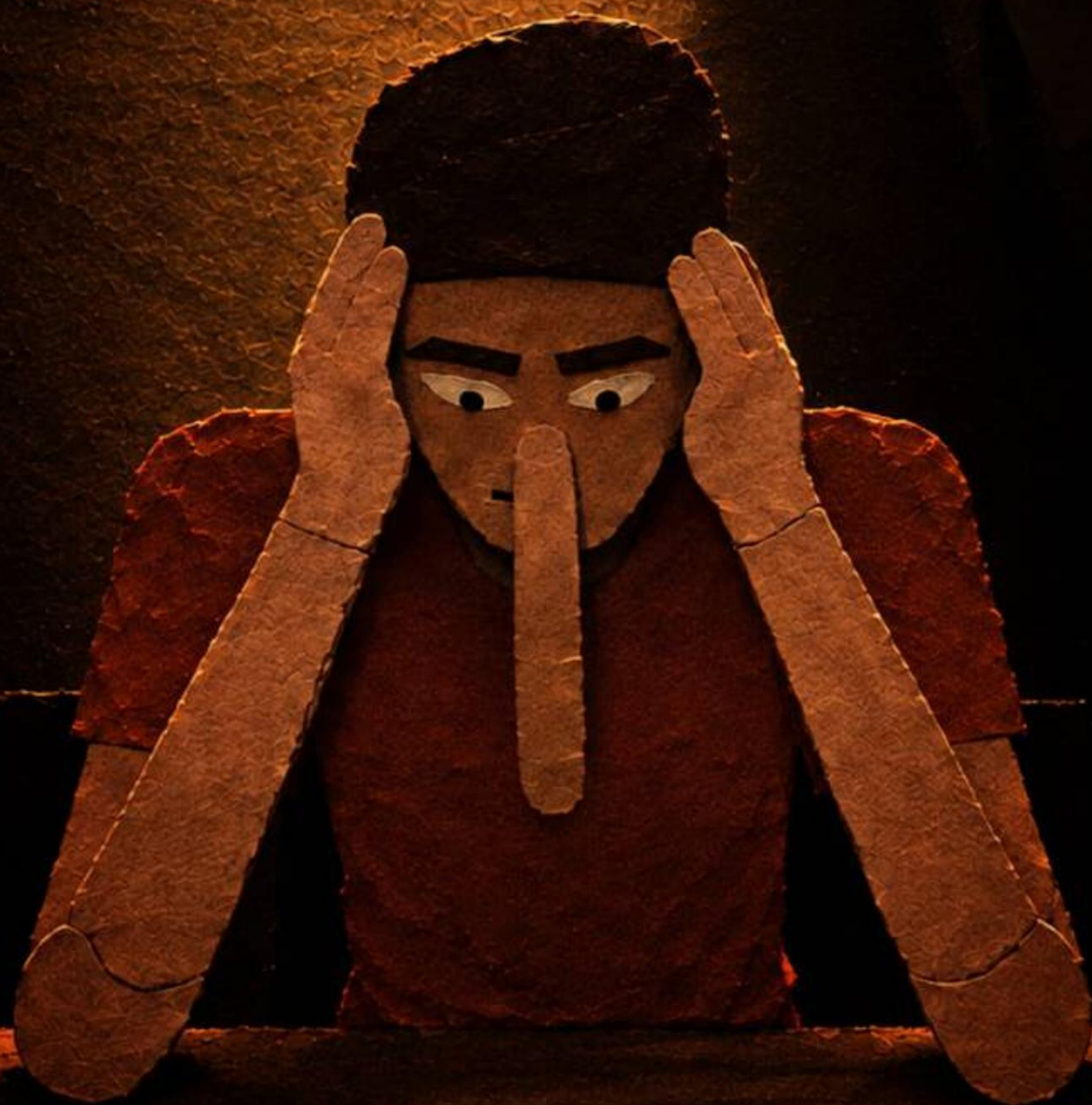

ТАЙНА

ПРЕДПРИЯТИЯ

Maxin Verysats

Тайна предприятия. Книга

«Автор»

2026

Verysats M.

Тайна предприятия. Книга / М. Verysats — «Автор», 2026

Ты любишь своих близких какими бы они не были. Живёшь только с одной мыслью – пусть они ни в чём не знают горя, будут счастливы. Но вдруг, в один осенний день у тебя пропадает брат. Семья начинает расследование. Поначалу всё идёт своим чередом, без перебоев и кажется вот-вот откроется истина, но.....Какая же слепая вера... Родители ни с того ни с сего прекращают расследование. В тот самый момент, когда до победной точки остаётся пару шагов...Что ты будешь делать? Отречёшься? Проклинёшь их? Смиришься? Микл тоже не знал, что делать.Отныне жизнь делится на до и после...

© Verysats M., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предупреждение	5
Глава 1	6
Глава 2	7
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Maxin Verysats

Тайна предприятия. Книга

Предупреждение

Книга писалась осенью 2024 года.

Является вторым произведением автора

Книга не является самостоятельным проектом, она – приквел к предстоящей игре «Тайна предприятия», которая выйдет в ближайшее время. Данное произведение создано исключительно в целях введения потенциального игрока в курс дела «Тайны предприятия». Поэтому в книге нет большого числа сюжетных арок глубокого развития персонажа так как оно будет происходить в течение игры.

В книге намерено нарушены некоторые орфографические, лексические или пунктуационные нормы для передачи психологического напряжения главного героя, его нервозности и рваности или переполненности языка.

При возникновении вопросов по поводу определения «мамонт», а также топонимов и личных имён данного мира рекомендуется ознакомиться с предупреждением к «Эван Юность. Книга I».

Все сходства с реальным миром являются лишь пародией либо же отсылкой и не несёт цели оскорбить кого-либо.

Любая связь с историей или политикой реального мира исключаются.

Возрастной рейтинг 16+

Глава 1

ПУСТОТА. НИСКОНЧАЕМАЯ БОЛЬ ПОТЕРИ...

Шли дни. Местор пропал. Уже неделю его с нами не было. Пропажа эта в одночасье все планы на будущее разрушила. Хотя, нет, не всем. Ни кривя душой скажу: некоторые члены семьи нашей, нерадивой, образно уже похоронили Местора. Но не я. Меня всё равно не покидает чувство, что он может быть жив.

Нет... я хочу верить, но... правда, та, на которую я закрываю глаза, беспощадно душит меня в неравной схватке. Она словно боксёр, уже победивший соперника: не добивает упавшего, а мучает одним своим силуэтом, пугая готовностью выйти из тьмы и нанести роковой удар. Мысль о том, что истина лежит на поверхности и искать её далеко не нужно, разрывает меня. Я уже не первые сутки ни есть, не могу, ни спать.

Зеркало, отражающее моё измученное страхом лицо, словно насмешливо льстит, делая похожим на Местора. Жалкая ирония... Я совсем не похож на него. Он ведь, благодетель, в самой чудовищной ситуации вопреки своему здоровью слабому и тому немногому, что имел, был готов помочь всем неблагодарным родственникам. А как мы искусно использовали и варварски эксплуатировали его, отзывчивого, наивного мамонта! Господи...

Одно я знаю точно: ОН НЕ Я. Мамонт, по глупости погубивший в одночасье не только миллион проектов Местора, но и главное — его доверие, не может быть с ним схож. А доверие это было единственным, ни с чем не сравнимым.

Я опустошён. Душа рвётся, мечется, отказываясь принять случившееся, но разум диктует свои правила. От того больнее вдвойне.

Единственное, что успокаивало меня в этой гнетущей обстановке, —

воспоминания, которые Местор сохранил на купленный им фотоаппарат. Теперь фотографиями они лежали где-то на задворках нашего компьютера семейного. Как хорошо, всё-таки, что мы, мамонты, придумали такое чудо — фотографии! Ведь это превосходно — вновь ощутить себя частью дня, который навсегда остался в воспоминаниях, вновь прожить его.

Местор был нашим гением. А дальновидный какой! Он позаботился о том, чтобы мы, Невлесты, потребители, живущие одним днём, могли снова и снова наслаждаться теми великолепными моментами. Он думал о завтрашнем дне, предугадывал городские и мировые события. Великий был мамонт. Великий.

Теперь родственникам остаётся лишь наслаждаться его объятиями — тёплыми, как сейчас помню, — но только на фотографиях. Только там мы, нерадивые, сумели их сохранить.

А мне, вероятно, главному виновнику случившегося, остаётся смотреть в потолок и перебирать грехи свои, многочисленные, совершённые за столь короткую жизнь. Я жду, чем всё разрешится — к худшему или к лучшему, — и не понимаю, ради чего всё это было...

Глава 2

ПУСТОТА. НЕСКОНЧАЕМАЯ БОЛЬ. НЕ МОГУ ОСОЗНАТЬ ПОТЕРЮ...

Наступил вечер. Отец, как и прежде, собрал нас на чрезвычайный семейный совет. Раньше такие собрания проводились редко, что называется, по праздникам, но после пропажи Местора они стали привычным делом.

Все, кроме матери, сели. Она же обыкновением перебирала ингредиенты для завтрашнего обеда и почти не участвовала в разговоре, лишь изредка вставляя свои пять копеек. В суть дела она особенно не вникала. Сёстры сели первыми. Они всегда были пунктуальны: ещё в школе каждую из них ежегодно назначали старостой класса. Какое совпадение-то. Как две капли воды были, хотя не близняшки. Теперь они игриво шептались, поглядывали на мать, без видимой причины посмеивались, подталкивали друг друга и переглядывались.

Я вошёл предпоследним. Мой измождённый вид никого не удивил. Показалось даже, что он вызвал у родственников отвращение: они лишь мельком взглянули и вернулись к своим делам. Я сел на диван.

Последним вошёл отец. За время поисков сына он оброс щетиной и провёл немало бессонных ночей. Меркол, так его звали, быстро осмотрел всех нас, словно пересчитал. Наверное, после случившегося отец так переживал за здоровье детей, что теперь каждый раз проверял, все ли на месте, — будто нас могли подменить. Затем он облокотился о кухонный гарнитур, помолчал и поднял взгляд. Говорить он начал медленно, томно, проглатывая окончания почти каждого слова:

— Добры сем вече (ДОБРЫЙ ВСЕМ ВЕЧЕР. Как пометка для дальнейшего понимания манеры общения Меркола)... Так... ну. Все в сборе. Начну, пожалуй, с самого важного. Местора найти пока не удалось. Новостей о нём тоже нет. Вот так вот...

Эти слова не внушали оптимизма. Все Невлесты, включая меня, понимали, насколько безвыходной стала ситуация. Мы молчали и острыми взглядами буравили Меркола, и без того морально опустошённого. Молчание продлилось недолго. Я понимал: родственники, которые и без того мне отвратительны, не станут продолжать разговор. Как всегда, быка за рога пришлось мне брать. Некому больше — все они мямли. Я подхватил:

— Слуште, ну надо что нть делать. Мы ж этими разглагольствованиями ничего не добьёмся! Надо... ну, не знаю... в суд подать, что ли, на Машиностроительный завод... вообще начать какое-нить судебное разбирательство. А тожь мы...

Я не успел договорить. Старшая сестра, Миридия, будто уловив из моих слов только главное — что пора начинать судебное разбирательство всерьёз, а не на бумаге, — бесперомно перебила меня:

— Да вот... Судебное разбирательство пора начинать. Все эти формальности на бумаге до добра не доведут. Так и будем топтаться на месте. А если Местора уже нет в живых, почему руководство предприятия не отдаёт нам его тело?

Родственники переглянулись и стали одобрительно кивать. Отец тоже жестом показал, что согласен с предложением. И тут меня охватило чувство, что этим зажавшимся животным плевать на судьбу Местора. Как можно говорить такое, пока надежда (пусть она уже трещит по швам и уводит нас всё дальше от истины) ещё жива? Как можно плести эту преступную, на мой взгляд, чушь? Я не выдержал. Накопившийся гнев вырвался наружу, и я уже закричал:

— ЧТО ВЫ ПЛЕТЁТЕ?! ВЫ ЧТО, ЕМУ СМЕРТИ ЖЕЛАЕТЕ? Я НЕ ПОНИМАЮ! ОН ЖИВ! КАК ВЫ НЕ МОЖЕТЕ ЭТОГО ПОНЯТЬ?! ВЫ ЖЕ РАНЬШЕ ВРЕМЕНИ В МОГИЛУ

ЕГО ЗАГОНЯЕТЕ! ДА ЭТО... ЭТО ПРОСТО ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПРОТИВ ВСЕХ ПРАВИЛ НАШЕЙ СЕМЬИ!

Наступила минута молчания. За это время все успели подтолкнуть Миридию и осуждающими взглядами словно сказать ей: «ТЫ ЧТО ТАКОЕ, ДУРА, НЕСЁШЬ?!» Я продолжил:

— Каким чудовищем надо быть, чтобы опустить руки в самый разгар расследования, когда до правды осталось пара шагов? Не знаю, как вы, я не могу смотреть, как моя семья так поступает...

— И знаете что? После пожара я поклялся Местору, что ни за что и ни при каких обстоятельствах не брошу его, если ему помощь понадобится. И что теперь — так просто сдать? Разве это не преступление?

Немного подумав и, как мне показалось, перебрав в голове подходящие слова, Меркол ответил:

— Ну ладно, ладно. Сейчас нам не до ругани, дети мои. (Он посмотрел на Мальфидию, мою мать, и переглянулся с ней.) Я вам ещё не сказал: Мефиль наконец-то подготовил первую партию газет.

Мефиль, брат моего отца, занимал довольно высокую должность в одном из Мамантовских издательств. Он был отличным дизайнером и умел складно излагать мысли для читателей, поэтому мог печатать и выпускать книги, газеты и прочую дребедень. Сразу после пропажи Местора Меркол понял, насколько полезной может оказаться обычная еженедельная газета, и попросил брата размещать внизу каждого номера объявление: пропал мамонт такого-то возраста, такого-то роста и веса, по имени... Ну, вы поняли.

— Четыре дня мучился... Вот, смотрите! — продолжил отец, доставая из-за спины газету, которую всё это время держал в руке.

Отец немного порылся в этой текстовой воде. По его взгляду было понятно: «Ох и напечатали — ни черта не найдёшь, утонешь!» Вдруг он радостно поднял глаза, словно старик, впервые выигравший в лотерею пару Ментсов, и воскликнул:

— Во! Нашёл!

Почти так же, как я когда-то чувал, что Местор готовит свой восхитительный завтрак перед очередным походом чёрт знает куда, отец наконец поднялся с кухонного гарнитура. Он подбежал к столу, за которым сидели все мы, и небрежно, чуть ли не швырком, бросил на него газету.

— Читайте внизу, — сказал он и указал вечно пухлым пальцем (будто тот опух после ожога или чего-то подобного, не знаю) на мелкий текст в самом низу страницы.

Прочитать объявление было трудно. Отец страдал близорукостью, но по непонятной причине сразу разглядел сообщение, которое спрятал в газете его брат. Мы же долго искали не там. Мне это показалось странным: насколько я знаю, при близорукости вблизи не начинаешь видеть лучше. Отец у меня какой-то необычный. Казалось, он проверял нашу внимательность, а потом убрал газету и спрятал её в карман.

Пока мы искали послание Мефиля, к столу подошла мать и села. Заодно она положила только что выкопанную морковь прямо на белоснежную газету. Вот что гастрономия делает с мамонтами: кажется, мать ни о чём другом не думает, кроме готовки. Мы, точнее мои сёстры, постоянно говорим ей: «Отдохни, мама, мы поможем». А она отвечает, что не устала. Неудивительно, что к вечеру она, словно выжатый фрукт, падает на кровать и будто впадает в транс — до неё не достучаться. Но вернёмся к истории.

Отец немного приподнялся над столом, на который до этого навалился, и продолжил:

— Мефиль всего восемьдесят восемь экземпляров распечатал... Пока это только первая партия. Дальше больше будет

Переглянувшись с нами и окончательно выпрямившись, отец забрал газету и отошёл.

Немного порывшись в страницах, он снова поднял взгляд, нахмурил брови и произнёс ещё серьезнее:

— Так, теперь главное. Чтобы наш план сработал, нам нужно развесить эти газеты — точнее, вырезки из них — по всему городу.

Небольшое лирическое отступление для тех, кто не в курсе.

Газеты выходили небольшим тиражом только в Мамантовске — городе, где жил Мефиль. Сначала мы хотели раздавать их на улице, как студенты-мамонты раздают рекламные листовки случайным прохожим. Но как назло в законодательство Мамонтаградской области внесли поправку: любой, кто раздаёт на улице газеты, рекламу или другие объявления, должен быть зарегистрированным предпринимателем и получить государственное разрешение. Кроме того, ему полагалось платить специальный налог за распространение объявлений. (Я просто перефразировал этот длинный и водянистый закон.) Единственной лазейкой оставалась возможность бесплатно и без ограничений развешивать объявления на городских баннерах. Так мы и решили немедленно приступить к расклейке: мало ли, вдруг закон изменят и эту лазейку тоже прикроют. Вырезки из газет выбрали потому, что расклеивать целые номера не имело смысла. Иначе можно было получить серьёзные неприятности за незаконную рекламу или логотип какой-нибудь сверхкорпорации в неподобающем месте. Да и сама газета представляла собой одну большую рекламно-мусорную помойку. Как Мефиль только выживает в этой грязи?

Дядька, конечно, мог бы напечатать для нас отдельную партию объявлений о пропаже Местора, но он не настолько там большой шишкой был. Побоялся, что прижмут. А у нас дома не было принтера. Так что выкрутились как смогли.

Вернёмся к повествованию.

Отец сжал губы и обвёл каждого из нас взглядом. Потом приподнял брови — одну он всегда поднимал выше другой, поэтому поворачивал голову в сторону доминирующей. В своей обычной манере, торопливо проглатывая окончания слов, он сказал:

— Так, я буду развешивать вырезки у себя на работе... ну... и поблизости, конечно. Так. Мальфидь, ты развешивай их здесь, в частном секторе возле нашего дома. На автобусных остановках, на баннерах возле магазинов — там, не знаю... Миридька, ты вешай у себя... ну, в университетском уголке объявлений. Как он там называется? Ну, ты поняла.

— Мальсидь, тебе... Ты вешай их у себя в колледже. Тоже найдёшь какую-нибудь свободную доску объявлений.

Я не понял, почему отец так решил. Мы с Мальсидькой ведь учились в одном колледже — Информативно-программистском, если быть точным. Да, сестра старше и, соответственно, опытнее в расклейке объявлений (Да, какую-то дичь сейчас сморозил). Но почему нельзя было хотя бы для приличия сказать: «Пусть Микл тебе поможет. Он тоже печётся о брате и хочет поучаствовать в расследовании»? Нет. Если речь идёт о моих заслугах, отец всегда молчит; если уж приходится говорить, то недооценивает меня, а то и вовсе не упоминает, будто меня нет в этой семье, будто я не Невлест. Это бесчестно и несправедливо. Я больше не мог сдерживаться. Накопленная обида снова прорвалась наружу, и я сказал:

— Ну как же так можно опять... Ну что я вам, отброс семьи? Сколько можно?! Почему меня всегда втаптывают в грязь?

Отец переглянулся с матерью. Всё это время она стояла, опираясь на стол, но теперь повернула голову и выразила неодобрение одним взглядом: «ТЫ ЧТО ВЫТВОРЯЕШЬ?!» Отец, видимо, понял, что положение у него шаткое, и поспешил добавить:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.